

КОГТИ ПРАВОСУДИЯ

Баранова Анастасия

Анастасия Алексеевна Баранова

Когти правосудия

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72468610

SelfPub; 2025

Аннотация

В мире, скрытом от людских глаз, правосудие имеет клыки и когти.

Зак, старый пёс-ветеран тайного агентства «Секретная Конура», давно отошел от дел. Его дни проходят в ворчании, воровстве трески у брата-кота Алекса и воспоминаниях о славном прошлом. Алекс, величественный мейн-кун, боится всего на свете, кроме своего дивана и миски. Их мир рушится, когда жестокий бизнесмен Александр Седов похищает членов семьи и угрожает хозяйке. В квартиру врываются вооруженные охранники, и привычная жизнь превращается в кошмар.

Старый пёс с толстым брюхом и домашний кот, дрожащий от ужаса перед улицей, – не самое грозное оружие правосудия. Но их преданность семье и друг другу сильнее любых клыков.

«Когти правосудия» – это захватывающее фэнтези-приключение о невероятной дружбе, преодолении страха и цене верности. Где хвостатые спец агенты, крысы-хакеры и попугай-взломщики сражаются за правду, а дом – это не стены, а те, кого защищаешь любой ценой.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	16
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Анастасия Баранова

Когти правосудия

Глава 1

В квартире пахло вчерашней курицей. На кухне громко и настойчиво тикали часы, нарушая тишину. На подоконнике, цвета мокрого асфальта, растянулся мейн-кун Алекс. Его янтарные глаза пристально следили за старым тойтерьером на лежанке.

– Мрр... Опять ты храпел, как трактор... – прошипел кот. – Снились твои вечные спецзадания?

Зак приоткрыл один карий глаз, увидел знакомые бархатные лапы, открыл второй и зевнул так, что щелкнули челюсти. Короткая тёмная шерсть топорщилась на загривке. Сквозь сон еще мерещился запах машинного масла, едкий и густой. И вой... Обрывки кошмара цеплялись за сознание.

Ошейник «Зак 10.14» лежал на старой пепельнице, превращенной в подставку для кактуса – немой свидетель прошлого.

– А я вот вспоминал... – начал пёс хрипловатым голосом ветерана, но Алекс стукнул хвостом по полу, перебивая:

– Как с моей миски вчера стащил кусок трески? Ла-

пы-спички, а проворство – как у голодной чайки на помойке!

– Что, жалко? – Зак буркнул, переворачиваясь на бок. Мягкий живот, выдававший любовь к хозяйским подачкам, колыхнулся. – Сам виноват – раз не доедаешь.

– Мяю! Хочу и не ем! Я... на чёрный день коплю! – кот фыркнул, играя кончиком хвоста, его янтарные глаза скользнули к окну, к щели в шторах, задержавшись на миг.

– Тогда могу огорчить, – пёс оскалил еще крепкие, но уже не белые зубы. Морщинки на серой морде сложились в лукавую улыбку. – Я съел весь твой чёрный день. С соусом.

– Я это и без тебя понял... – Алекс мотнул головой, прыгнул с подоконника и уселся напротив лежанки. Большие, слегка раскосые глаза изучали собаку. – Тебе опять Рич снился?

Улыбка сползла с собачьей морды. Зак напрягся, шерсть на загривке встала дыбом, будто почуяв невидимую угрозу.

– Да просто вспоминал... – он замолчал, словно приняв хиваясь не к кухонным ароматам, а к призракам. – Позвонили тогда: «По Рижскому шоссе фургон. Контрабанда живого товара. Остановить любой ценой».

– Мяю, что такое контрр...банда?

– Домашний недотёпа... – заворчал Зак без злобы. – Незаконная перевозка. За границу.

– О, и что везли? – кот придвинулся, кончик хвоста нервно подрагивал.

– Стаю гиеновидных собак. Голодных. Перепуганных.

Щенков.

– Мееелкий! – Алекс фыркнул, но в янтарных глазах мелькнуло что-то кроме насмешки. – Ты им на зуб годишься!

Зак вскочил, ошетинившись.

– Да ты знаешь, каким я сильным был?! Ты тогда ещё в молочной пенке плавал! Они... – он сглотнул комок в горле, – ...были тощие. Слабые. На них... могли эксперименты ставить. За границей.

– И что же делали? – Алекс придвинулся еще ближе, забыв про вчерашнюю треску.

– Мы... – пёс тяжело вздохнул, опуская голову, – помчали с Ричем, овчаркой. Он... гвозди перекусывал! Одним щелчком! Настоящий Геркулес. Контрабандисты свернули с шоссе... Полиция потеряла след. Но мы! – Зака резко понесло вперед, будто он снова несясь по следу, короткие лапы цеплялись за ковер. – Я выследил фургон по струйке бензина и... страху щенков. Рич шины рвал! Только... – голос дрогнул, стал тише, хриплым, – ...вдвоём... не справились. Их было больше. С железными прутами. И оружием.

– Мямю?! – Алекс отпрянул, зрачки расширились.

– Они... начали стрелять. – Шерсть на загривке Зака зашевелилась. – Приказ был: щенков спасти, а не героизмовать... Рич... он меня толкнул в спину, рыкнул: «Беги! За подмогой! Быстро!»

Алекс замер, уши прижаты к голове. В комнате повисла тишина, нарушаемая только громким тиканьем часов. Пёс

замолчал, уткнувшись мордой в потертую подушку лежанки. Из нее торчал лишь завиток жесткого черного хвоста с парой седых волосков. Кот отвел взгляд. Его шерсть на холке слегка взъерошилась. Зак вынырнул, брызжа слюной:

– Я людей привёл! Операция удалась! Всех щенков спасли!

– Как я и думал... – Алекс небрежно отвернулся, принявшись вылизывать бок, но движения языка были резче обычного. – Вечно ты раздуешь из мухи кота, а конец – как в дурацком щенячем мультике. С песнями.

– Да я о тебе забочусь! – пёс фыркнул, пытаюсь сохранить достоинство. – Вот был случай пострашнее... с огнём и...

– Мямаяу! – кот метнулся под диван, как ракета, распушив хвост ёршиком. – Замолчи! Никаких огней!

– Мейнкуны... – Зак ухмыльнулся, глядя на торчащий из-под дивана пушистый кончик хвоста. – Говорят, грозные, как рыси, а ты – мокрый нос от страха.

Алекс лежал под диваном, делая вид, что полностью поглощен вылизыванием лапы. Его дыхание было чуть слышным, частым.

Вдруг из кухни донесся голос хозяйки, Ольги, мягкий, но торопливый:

– Зак, Алекс! Идите кушать! И... Зак, не вздумай лезть в миску кота, я увижу!

Пёс радостно вскочил и помчался на голос. Он бежал изо всех сил, как ему казалось – стремительно и грозно. Со сто-

роны же это была неуклюжая, вразвалочку пробежка старенького тойтерьера с явно избыточным весом. Алекс всегда наблюдал за неуклюжестью пса, который не мог самостоятельно забраться на диван, и усмехался: «Он даже этого не может».

Пока пёс, пыхтя, преодолевал путь, Алекс молнией вынырнул из-под дивана. Пара мощных прыжков – и он легко догнал Зака. На мордочке расцвела хитрая улыбка. Без усилий он перепрыгнул через собаку, грациозно приземлившись прямо на пороге кухни.

Пахло невероятно. Из духовки, приоткрытой Ольгой, валил ароматный пар, неся запах запеченной курицы, картошки и сыра. Зак облизнулся, подошел к своей миске... и носом уловил разницу. В керамической чаше лежала аккуратная горка гречки с печенкой. «Всё равно вкуснятина!» подумал пёс. Он покорно принялся есть. Алекс же брезгливо отвернулся от своего жидкого корма и отодвинул миску.

– Чего ты не ешь? – с набитым ртом пробурчал Зак.

– Мрр... сейчас увидишь, – с достоинством ответил кот, усаживаясь в позу сфинкса. Ольга взяла миску и поднесла прямо к его мордочке, наглаживая второй рукой загривок. – Уважение, понимаешь ли.

Зак хотел ответить, но в этот момент зазвонил телефон Ольги. Она поставила миску кота на пол и подошла к столу. Ее лицо, обычно спокойное и усталое после работы, вмиг изменилось, едва она взглянула на экран. Оно стало белым, как

мел. Ольга схватила стакан воды и вышла в коридор, приглушенно сказав: «Алло?».

Алекс насторожил уши. Зак перестал есть. Его нос задрожал. Запах курицы смешался с новым, резким – запахом внезапного волнения, адреналина. От хозяйки. Страх.

– ...нет, я независимый эксперт, – донесся из коридора сдавленный голос Ольги. – Я не могу... Это... это уже слишком! Вы не имеете права!.. Да, но... – голос оборвался, стал тише, почти шепотом, но от этого – страшнее. – ...моя семья... Лёша... Настя... Что вы хотите?..

Зак и Алекс переглянулись. В глазах кота мелькнул дикий ужас, зрачки расширились до черных дыр. У Зака по спине пробежала судорога, шерсть ошетичилась, но не от воспоминаний, а от настоящей угрозы, витавшей в их доме, пахнущем курицей и тревогой. Тиканье часов стучало громко, как молоток.

Звон смолк. В кухню вернулась тишина, натянутая, как струна. Ольга стояла в дверном проеме, бледная. Пальцы сжимали трясущийся стакан так, что костяшки побелели. Второй рукой она кому-то названивала, но в ответ – лишь мертвые гудки. Запах ее страха, острый и горький, впился в ноздри Зака и Алекса. Кот инстинктивно прижал уши, съжившись.

– Мама? – хрипло тявкнул Зак, подойдя и осторожно ткнувшись холодным носом в ее тапки. Его маленькое тело напряглось.

Хозяйка вздрогнула, словно ошпаренная. В глазах – паника, быстро сменяемая холодной решимостью.

– Слушайте внимательно, – ее голос звучал тихо, но четко, каждое слово отчеканено. – Сейчас придет... человек. Седов. Он будет говорить гадости, угрожать. Вы... – она посмотрела на кота и собаку, и в ее взгляде была мольба и сталь, – вы не лезьте. Спрячьтесь. Поняли? Ни звука. Никаких нападений. Особенно ты, Зак. Ты уже не молодой сыщик.

«Беги! За подмогой! Быстро!» Эхо команды Рича прокатилось в голове Зака.

– Но... – начал пёс.

– И не лаять! – отрезала Ольга. Она не понимала языка животных, но видела бунт в его глазах. Рука дрожала, когда она поправила прядь волос. – Он опасен. У него... охрана, с оружием. Вы не справитесь. Пожалуйста. Спрячьтесь. Под диван. Сейчас же.

Ее тон не оставлял места для возражений. Алекс, не раздумывая, метнулся в зал. Зак замер на мгновение. Его темные карие глаза, полные растерянности и протеста, встретились с ее взглядом. В них была мольба. И страх за родных. С глухим ворчанием, похожим на стон, он развернулся, заковылял вслед за котом и нырнул в полумрак комнаты.

Алекс уже сидел под диваном, слившись с тенями, только глаза светились двумя узкими желтыми щелями. Зак присел к нему, тяжело дыша. Дверь была приоткрыта ровно настоль-

ко, чтобы видеть часть коридора и входную дверь. Сердце Зака колотилось. Он ненавидел это чувство – беспомощность. «Рич бы не спрятался», пронеслось в голове.

Тишину разорвал резкий, наглый звонок в дверь. Не просьба, а ультиматум. Собрав волю в кулак, Ольга глубоко вдохнула густой воздух прихожей, выпрямила уставшую спину и решительно шагнула к двери. Шаги ее были твердыми, но Зак уловил легкое дрожание ног под домашними брюками.

Дверь открылась. В квартиру вкатилась волна чужого воздуха: запах дорогого, удушливого одеколона, сигарет, холодного металла и... чего-то звериного. Сначала вошли двое. Не люди – горы в тесных пиджаках. Первый, с шеей быка и крошечными глазами, бесшумно переступил порог, заняв позицию у стены. Второй, выше и тоньше, с белесым шрамом через бровь, метнул быстрый, оценивающий взгляд по комнате и встал напротив. От них пахло дешевым одеколоном и сталью.

И только потом появился он... Седов. Невысокий, подтянутый, в костюме, который стоил дороже всей мебели в прихожей. Лицо – отполированная маска вежливости, но глаза... Глаза были холодными и плоскими, как у змеи. Он не спеша снял тонкие кожаные перчатки, оглядев коридор с легким презрением.

– Ольга Ивановна, – его голос был гладким, как шелк, но под ним сквозила сталь. – Какая... уютная нора. Надеюсь, не

заставили себя ждать?

– Где моя семья, Александр? – голос Ольги звучал ровно, но Заку, знавшему каждую ее интонацию, слышалась натянутая струна. – Где мой муж? Где дочка? Почему они не отвечают?!

Седов усмехнулся, коротко и сухо.

– Ох, не волнуйтесь так, дорогая. С ними всё... пока... в порядке. Если, конечно, вы проявите благоразумие. – Он сделал едва заметный жест пальцем. Охранник со шрамом достал из плотной папки стопку бумаг, положил их на журнальный столик. – Мой эксперт любезно написал за вас повторное заключение. Ваше было... ошибочным. Ваша подпись – и семья вернется к ужину.

– Я независимый эксперт, – голос Ольги дрогнул, но она выпрямилась. – А вы – подозреваемый. Писать липовые заключения не в моей компетенции. Даже с моей подписью это вас не спасет. Суд назначит нового эксперта. Вы просто испортите мою репутацию, и я сяду в тюрьму вместе с вами.

Маска вежливости сползла. Глаза сузились до щелочек.

– Думаете, я рад, что суд назначил именно вас? У меня нет другого выхода. Из-за вашей экспертизы налоговая отожрет у меня миллиарды и меня посадят. Считаете, я не пойду на крайние меры? – Он нарочито медленно посмотрел на запястье с часами. – Ваши родные уже в пути... в место, где сигнал не ловит. Каждая минута вашего упрямства... – он сделал паузу, наслаждаясь эффектом, – ...снижает их шансы

вернуться. Значительно. Так что советую не геройствовать. Подписывайте. Сейчас.

В этот момент Зак не выдержал. Чужая агрессия, угроза его стае, его дому – било по самым глубинным инстинктам. В маленькой голове тойтерьера созрел план. Безумный, отчаянный. «Рич толкнул тогда. Я толкну сейчас». Пёс вылез из-под дивана. Не рычал, не бросался. Он просто пошел. Неуклюжей, но нарочито спокойной походкой старого пса. Направился прямо к журнальному столику.

Зак подошел вплотную к одной ножке стола и поднял голову. Его взгляд встретился со взглядом Ольги. В ее глазах – паника, немой вопрос: «Что ты делаешь?!»

Зак усмехнулся. Широко, по-собачьи. Это был вызов. Расчет. Умный поступок. Он сознательно, всем весом своего тяжелого тельца, толкнул ножку шаткого столика! Дерево скрипнуло протестующе. Стакан с водой, оставленный Ольгой, закачался, потерял равновесие и с грохотом опрокинулся на бумаги. Вода хлынула широким пятном, мгновенно заливая текст, размывая его в бесформенные, грязные кляксы.

Седов замер. Грудь ходуном ходила под пиджаком. перевел взгляд с мокрых, безнадежных документов на Ольгу, на Зака. Тот притворно опустил голову, прижал уши, делая вид, что напуган. Но из-под косматых бровей бросал на мужчину вызывающий, насмешливый взгляд. Седов понял. Саботаж. Расчетливый. Наглый.

– Эта собачина! – прошипел Седов, рука сжалась в ку-

лак, костяшки побелели. Запах кожаных перчаток усилился. Маска исчезла, осталась чистая ярость. Он сделал шаг к Заку. – Я прикажу её...

– Не троньте его! – Ольга бросилась между Седовым и Заком, заслоняя пса собой. Ее голос дрожал, но в нем была сталь. – Он просто... он испугался! Ударился! И вообще... я не подпишу ничего, пока не прочту! Или не напишу новое! Я сделаю, что нужно! Но отпустите моего мужа с дочкой! Сейчас же!

Злость в глазах Седова кипела, борясь с холодным расчетом. Он заставил себя выдохнуть.

– У вас сутки, – прошипел он. – На повторное заключение. Завтра вечером вернусь за документом. Родные – у меня побудут, для мотивации.

– Но как же! Они...

– Не волнуйтесь, – перебил Седов, снова надевая маску вежливости. – Они продержатся, наверное. Завтра обмен. Если все готово. Если нет... – Он не договорил. Взгляд был красноречивее слов. – И да, – добавил он, окидывая квартиру взглядом, – с вами проживут мои сотрудники. Так мне спокойней. И не делайте глупостей. Ни вы, – он бросил взгляд на Зака, – ни ваш... защитник.

Он резко развернулся и вышел. Охранник с шеей быка последовал за ним. Тот, что со шрамом, остался у входной двери, приняв стойку смирно. Дверь захлопнулась.

Ольга взяла Зака на руки. Ноги ее подкосились, и она рух-

нула с ним на диван. Она прижала к себе пса.

– Глупый... храбрый дурачок... – шептала она, смахивая слезы. – Зачем ты... они же могли...

Зак терся мордой о ее руку, но глаза были прикованы к охраннику. Он не слышал укоризны. Он слышал шаги за дверью тогда. И знал – его план сработал. Теперь у них есть сутки. Из-под дивана донесся тихий, прерывистый шепот Алекса:

– Сумасшедший... Совсем сумасшедший пёс... Он... он же мог тебя... – Голос кота дрожал от ужаса, смешанного с облегчением.

Зак вывернулся из объятий и заковылял к дивану. Он заглянул в темноту, где светились два огромных желтых глаза.

– Видал, кот? – прохрипел он тихо, но твердо, глядя мимо кота на силуэт охранника. – Иногда чтобы выиграть время... нужно просто толкнуть стакан. Нагло. Прямо им в нос. – Он плюхнулся на пол рядом. Его маленькая грудь высоко поднималась от адреналина. – Теперь у нас есть сутки. Этой ночью пора перестать бояться... Как думаешь, кот? Твой страх... он сильнее любви к своей семье? Сильнее шагов охранников у двери?

Из-под дивана не было ответа. Только слышалось тяжелое, частое дыхание и тихий звук – Алекс нервно вылизывал свою дрожащую лапу. Пахло тревогой, мокрой бумагой, запеченной курицей и... началом войны.

Глава 2

После ухода Седова повисла гулкая, напряжённая тишина. Только кухонные часы отсчитывали секунды – тик-так-тик-так – словно стучали по вискам Зака. Под диваном, в пыльной мгле, пахнущей старой шерстью, Зак и Алекс застыли. Зака мелко трясло – не от холода, а от ярости и сдавленной беспомощности. Один день. Охранник у двери. Лёша. Настя. Мысли метались, как осы.

Рядом Алекс вылизывал одну и ту же переднюю лапу с навязчивым усердием, будто пытаясь стереть страх. Шерсть на загривке топорщилась дыбом, зрачки расширились до огромных... черных дыр.

Шаги. Тяжелые, мерные, чужие. Охрана методично прочесывала квартиру. Приглушенные голоса резали воздух: «Телефоны. Ноут. Любые передатчики. Проверить все». Волна пота, дешевого табака и... оружейной смазки – запах угрозы – накрыла их убежище, въедаясь в ноздри, в мозг. «Рич бы не спрятался...» – пронзительная мысль вколотила в сердце Зака гвоздь стыда. Надо действовать! Но как?!

И тут – осенило. Как удар током. Зак дернулся, задев Алекса.

– Ошейник! – прошипел он, голос сорвался на хриплый шепот. – Алекс! Ошейник! Где он?! Связь! Штаб! Един-

ственный шанс! Подмога!

Кот вздрогнул так, что ударился головой о низ дивана. Его желтые глаза в полумраке метнулись к шее собаки. На привычном месте, у основания, где шерсть была потертой – пушота.

– Мррр... – кот отвел взгляд, сглотнув. Голос дрожал. – Вчера... он так забавно мигал... Я... поиграл. У кактуса. Забыл... – Последнее слово прозвучало как приговор.

– Забыл?! – Зак едва не взвыл, но стиснул зубы. Прижал уши. – Тащи! Быстро! До стола... я не допрыгну, – прохрипел он, уже чувствуя знакомую тяжесть в слабеющих задних лапах.

Алекс метнулся серой тенью. Охранник со шрамом стоял спиной, копался в книжной полке. Кот – бесшумный сгусток мышц – одним прыжком взлетел на гостинный стол. Металлическая пряжка ошейника холодно блеснула в полосе света. Один рывок зубами – и Алекс исчез под диваном, пронеся мимо носа охранника, облачко пыли и испуга.

– Держи, – прошептал он, тыча холодной пряжкой в собачий бок. – И... мрр... не ори.

Зак дрожащими лапами защелкнул ошейник. Знакомый запах – пыль штаба, лак для поводков, слабый дух Рича – ударил в ноздри. Он ткнулся носом в ковер: горький страх Ольги, химическая вонь от пиджака охранника... и под всем этим – слабая, но живая ниточка к спасению. «Надо туда. Сейчас».

– Открой дверь. Бежим. В штаб, – прохрипел он, поворачиваясь к коту. Голос хрипел от напряжения. – Только там помогут. Оттуда в полицию. Единственный шанс.

Алекс съежился. Его пушистый хвост обвил задние лапы мертвой хваткой, будто прирастая к пыльному полу. Запах его страха – острый, кошачий – стал гуще.

– Иди... сам, – глухо пробурчал он, уткнувшись носом в темноту. – Ты же... гроза дворовых котов? Справишься... – добавил он с фальшивой небрежностью, но кончик хвоста нервно дергался. – Я... подожду тут. На страже.

– Справиться?! – Зак оскалился. Шерсть на загривке встала колючей щёткой от обиды и отчаяния. – Я на кровать без лестницы не залезу! До штаба – полрайона! Как я один?! Машины! Собаки! Люди с палками! – Его шепот стал громче. – Твой страх – роскошь, кот! У нас семья в беде! Трус несчастный!

– Не называй меня трусом! – Шипение Алекса было резким, как разрыв ткани. Он выскочил из-под дивана, спина дугой, шерсть ершом. Желтые глаза пылали обидой, болью и... парализующим ужасом. Он не мог выговорить больше ни слова. Только мелко, часто дрожал. Запах паники плыл от него волнами.

Зак бросился на него. Не от злости. От безысходности. Короткие лапы вцепились в густую шерсть кота, тупые зубы щелкнули в сантиметре от уха. Алекс взвыл – не от боли, а от обиды – и ответил лапой. Без когтей, но сильно, толчком

в грудь. Они покатались по полу, путаясь в ковре, в клубке рычания, шипения и отчаянной борьбы. Дверь кабинета распахнулась.

– Ах! Что вы творите?! – Ольга стояла на пороге, бледная, с красными, опухшими от слез глазами. От неё веяло отчаянием. – Семья в беде, а вы... как дети! – Голос дрожал. – Вы же братья! Прекратить! Сейчас же! Разъяренный клубок распался. Зак отполз, тяжело дыша, языком слизывая капельку крови с губы. Алекс, съездившись, вылизывал смятую шерсть на боку, избегая взглядов. Стыд сгустился в воздухе.

Зак, не поднимая головы, подполз к коту. Ткнулся холодным, влажным носом в его дрожащую лапу. Молчание. Потом лапа кота – тяжелая, нерешительная – легла на морду собаки. Шершавая подушечка коснулась шерсти. Перемирие. Ольга, схватившись за виски, бросила на них взгляд, полный немой мольбы, и скрылась, притворив дверь. Шаг охранника в коридоре – тяжелый – эхом отдался в тишине.

– Мир за дверью... – начал Зак, голос был хриплым. – Он... жесток. Пахнет бензином, чужими псами и... страхом. Знаю. Но там... наши. Лёша. Настя. – Он поднял голову, его темные, усталые глаза встретились с желтыми, полными смятения. – Только мы можем... Я не дойду один. Лапы... не те. Сердце... не то. – Признание вырвалось тяжело. Алекс отвел взгляд. Его грудь высоко вздымалась. Казалось, он вот-вот рванет обратно под диван, растворится в безопасной темно-

те. Запах улицы за дверью – пыль, выхлопы – казался ему ядом.

– ... Я не выйду, – прошептал он наконец, почти беззвучно. Глаза были полны муки. – Не могу. Там... после той дачи... помнишь? Большая псина... забор... клыки... боль... – Он сглотнул комок, шерсть на спине снова встала дыбом. – Дома... безопасно. Тут... стены. Запахи свои.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.